

*На правах рукописи*

Курцев Леонид Николаевич

Повседневная жизнь провинциального города  
в годы гражданской войны  
(по материалам Ярославской и Костромской губерний)

**Специальность 07.00.02 - Отечественная история (новейшая)**

**Автореферат**

**диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук**

Ярославль - 2006

Работа выполнена на кафедре новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

**Научный руководитель** - доктор исторических наук, профессор  
Владимир Павлович Федюк

**Официальные оппоненты:** доктор исторических наук, профессор  
Александр Иванович Ушаков  
кандидат исторических наук Юлия  
Владимировна Красовская

**Ведущая организация** - Ярославский государственный  
педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Защита состоится «28» ноября 2006 г. в \_\_\_\_ часов на заседании диссертационного совета Д 212.002.01 по присуждению ученой степени кандидата исторических наук при Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Советская, 10.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Автореферат разослан « \_\_ » \_\_\_\_\_ 2006 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета Марасанова В.М.

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Почти вековая временная дистанция и идеологическое свободомыслие постсоветского периода позволяют современному историку максимально беспристрастно подойти к осмыслению событий, потрясших до основания Россию в 1917-1921 гг. В настоящее время интерес по праву привлекают к себе не только вопросы политической, военной, экономической истории времен революции и гражданской войны, но и истории в её человеческом измерении - истории повседневной жизни обыкновенных городских жителей на стыке эпох.

История повседневной жизни не просто дополняет историческое полотно времен гражданской войны, но в то же время заставляет по-новому определить роль пресловутых «безликих масс» или «маленьких людей» в историческом процессе. В этом с очевидностью проявляется важность и актуальность данного исследования.

Своевременность подобного диссертационного изыска обусловлена многими факторами. Одним из них является сам характер развития современной исторической науки. Непреложным видится её движение в сторону всё более детализированного и углубленного изучения различных эпох на антропологическом, социо-культурном, микроисторическом и иных уровнях. Интерес к повседневной истории, резко проявившийся в российской науке в 1990-е и 2000-е годы, подтверждает эти тенденции, равно как и данная работа вписывается в контекст новейшей эволюции исторической мысли в России.

Кроме того, если на столичном (в первую очередь петербургском) уровне разработка проблематики революционной повседневности уже имеет к настоящему моменту свои традиции, то отсутствие научных работ по данной тематике, базирующихся на ярославском и костромском материалах, является прямым доказательством своевременности и целесообразности проведения подобного регионального исследования. Особенно четко это своеобразное «отставание» Верхневолжского региона в деле изучения повседневной жизни горожан в годы революции и гражданской войны видится на фоне иных регионов, где эти вопросы уже успели войти в круг интересов исследователей. Речь идёт о таких научных центрах, как Челябинск, Уфа, Казань и др.

Узловой и наиболее актуальной проблемой данного исследования является раскрытие взаимосвязи бытовой стороны повседневных жизненных практик горожан-провинциалов с их ментальностью, психологическими стереотипами поведения в процессе трансформации последних и зарождения так называемого «нового советского» сознания.

**Предметом** диссертационной работы служат разнообразные повседневные бытовые и ментальные практики выживания жителей провинциальных городов в процессе решения продовольственных трудностей, жилищно-бытовых неустройств, в сфере досуга и праздничного отдыха и т.д.

**Объект исследования** - городской житель во всем его социальном многообразии (рабочий и мещанин, обеспеченный горожанин и красноармеец, представитель власти и безработный и т.д.).

В данной работе впервые предпринимается попытка взглянуть «снизу» или «изнутри» на события, потрясшие до основания страну в 1917-1921 г. на основе ярославских и костромских материалов. Иначе как сквозь призму повседневных бытовых мелочей сделать это не представляется возможным.

**Цель исследования** - определить степень влияния «чрезвычайного» быта времен революции и гражданской войны на городского жителя, на видоизменение его поведения и сознания. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд конкретно-исторических задач, включающих в себя изучение как материальных, так и духовных аспектов повседневности:

- Охарактеризовать качество питания горожан и способы борьбы с голодом
- Сравнить уровень жизни провинциалов и столичных жителей
- Рассмотреть жилищную проблему в провинциальных городах на примере Ярославской и Костромской губерний
- Выявить особенности повседневного досуга и праздничного отдыха горожан

Определить степень влияния преступности на быт городских жителей

- Установить причины возникновения аномальных форм поведения в жизни горожан

Раскрыть факторы и указать на внешние проявления трансформации бытового, повседневного сознания городского жителя в период гражданской войны

**Хронологические рамки** исследования охватывают период с октября 1917 г. до 1921 г. Именно так большинство современных исследователей определяет временные границы гражданской войны.

**Территориальные рамки** работы ограничиваются пределами Ярославской и Костромской губерний. Выбор данного региона для исследования не случаен. Изучение данного периода в рамках отдельно взятых губернских и уездных центров даёт возможность выявить региональное своеобразие революционных процессов и повседневной жизни провинциальных городов. Специфика вытекает из географического расположения (удаленность от линии фронта, близость к столице и т.д.), из уровня развития и отраслевой структуры экономики края

(промышленная или производящая сельхозпродукцию губерния), из соотношения различных социальных групп населения (удельный вес и влияние пролетариата, мещанства, купечества) и целого ряда других факторов. Занимаемое ими срединное в географическом, экономическом и социальном аспектах положение позволяет помимо специфических черт проследить и общие закономерности эпохи.

При всём обилии литературы по истории революции и гражданской войны нельзя обозначить **историографию** заявленной темы исчерпывающей. Из четырёх периодов, на которые можно разбить развитие научной разработки проблем революционной действительности 1917-1921 гг., в том числе и повседневности (1. 1918-1920-е; 2. 1930-1950-е; 3. 1960-1980-е; 4. 1990-2000-е), лишь работы последнего этапа в полной мере относятся к истории повседневной жизни городских жителей в 1917-1921 гг.

Определённый интерес представляют некоторые издания 1918 - 1920-х годов. Весьма масштабно и эмоционально затронул экономическую жизнь страны и повседневные трудности разных слоёв населения Советской России Л. Крицман<sup>1</sup>. Серьезными трудами по продовольственному снабжению населения отметились Н. Орлов и Н.В. Кондратьев<sup>2</sup>. Быт и условия труда рабочих освещались в работах С.Г. Струмилин, Г. Григоров, Л. Шкотов и других авторов<sup>3</sup>. Лингвист А.М. Селищев анализировал особенности языка революционной эпохи, его наиболее яркие черты<sup>4</sup>. М.Н. Лядов и О.В. Цехновицер рассматривали новую советскую праздничную культуру<sup>5</sup>. Предметом исследований становились даже вопросы сексуальной жизни советских людей<sup>6</sup>. Рассматривались в указанных изданиях только отдельные сюжеты, аспекты повседневности, но не с позиций повседневной истории в её современном научно-историческом понимании, а с точки зрения

---

<sup>1</sup> Крицман Л. Героический период Великой Русской Революции (опыт анализа т.н. «военного коммунизма»). М.-Л., 1926.

<sup>2</sup> Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918; Кондратьев Н.В. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991 (Первое издание 1922 г.).

<sup>3</sup> Струмилин С.Г. Рабочий быт в цифрах. М.-Л., 1926; Он же. Динамика условий труда в СССР за 1917-1927гг. // Струмилин С.Г. Избранные произведения в пяти томах: Т. 3. М., 1963. С. 369-410; Григоров Г., Шкотов Л. Старый и новый быт. М.-Л., 1927; Лядов М.Н. Вопросы быта. (Доклад на собрании ячейки Свердловского коммунистического университета). М., 1925; Григоров Г., Шкотов Л. Старый и новый быт. М.-Л., 1927.

<sup>4</sup> Селищев А.М. Революция и язык (1925 г.) // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968. С. 141-147; Он же. Выразительность и образность языка революционной эпохи (1927 г.) // Там же. С. 147-159.

<sup>5</sup> Лядов М.Н. Первое мая. Международный пролетарский праздник. М.-Л., 1927; Цехновицер О.В. Демонстрация и карнавал. К десятой годовщине Октябрьской революции. М., 1927; Он же. Празднества революции. Л., 1931.

<sup>6</sup> Залкинд А.Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. Сб. статей. Л., 1926.

экономической истории, идеологической борьбы, пропаганды первых лет советской власти.

1930 - 1950-е годы стали вынужденной паузой в анализе затронутых сюжетов. В 1960-1980-е годы увидели свет интересные труды по социальной политике в годы революции и гражданской войны, по изменению структуры общества, пролетарской морали в то переломное время<sup>7</sup>. Все указанные работы лишь частично могут быть отнесены к разряду повседневно-исторических. В них представлен «взгляд сверху», в лучшем случае - «издалека» на события (по схеме: принятие декретов и их реализация), без «живых картин» истории каждодневного бытия горожан, без акцентированного осмысления их реальной жизни.

Только в 1990-е годы стали появляться первые в полном смысле этого слова работы по истории повседневности. В середине 1990-х гг. в Петербурге начала складываться школа, объединившая историков, изучавших повседневную жизнь 1917 - 1920-х годов. Самыми известными ее представителями являются Н.Б. Лебина, В.И. Мусаев, А.Н. Чистиков, С.В. Яров, А.Р. Марков и другие авторы<sup>8</sup>. Именно в Петербурге были созданы первые крупные самостоятельные исследования по интересующему нас периоду на базе новых подходов и методов. Однако петербургские историки оперируют почти исключительно сведениями по своему городу, обобщая их на всю страну. Кроме того, бросается в глаза повышенное внимание к аномальным явлениям в ущерб «нормальным» обыденным практикам горожан.

Не было до середины 1990-х годов в отечественной исторической науке и трудов из области психоистории. Массовая психология и влияние на неё войны и революции стали предметом изучения на всероссийской научной конференции «Революция и человек», проводившейся 28-30 ноября 1994 г. в Москве. Кроме В.П. Булдакова, на конференции с

---

<sup>7</sup> Астапович З.А. Первые мероприятия советской власти в области труда (1917-1918 гг.) М., 1958; Дробижев В.З. и др. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.) М., 1975; Шишкин В.Ф. Великий Октябрь и пролетарская мораль. М., 1976; Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917-1920 гг. М., 1976; Баева Л.К. Социальная политика Октябрьской революции (октябрь 1917 - конец 1918гг.). М., 1977; Вяземский Е.Е. Октябрьская революция и становление советской системы социального обеспечения (ноябрь 1917-1920 гг.): Дис ... канд.ист.наук / М., 1987; Жиромская В.Б. Советский город в 1921-1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988; Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990.

<sup>8</sup> Лебина Н. За последней чертой // Родина. 1994. №8. С. 69-72; Она же. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999; Она же, Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003; Измозик В.С., Лебина Н.Б. Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920-1930-х годов // Вопросы истории. 2001. №4. С. 99-100; Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000.

новаторскими идеями выступили В.В. Журавлёв, И.А. Исаев, А.И. Степанов<sup>9</sup>.

Тогда же научным изысканиям стали доступны нравственно-бытовые аспекты жизни различных социальных слоёв в годы революции и гражданской войны<sup>10</sup>.

Политической и бытовой ментальности (психологии) разных общественных групп посвящена трилогия петербургского историка С.В. Ярова о крестьянах, рабочих и горожанах Петрограда в годы гражданской войны. Петербургский же автор А.Р. Марков написал в духе постмодернизма М. Фуко исследование об отечественном студенчестве в переломную эпоху. О. С. Поршнева на базе противоположных квантативных клиометрических методов проанализировала массовую психологию крестьян, рабочих и солдат в период Первой мировой войны и накануне 1917 г.<sup>11</sup> По её мнению, определённые базисные воздействия милитаризма на сознание масс сыграли значительную роль в процессе зарождения «советского» мировоззрения.

Отдельным направлением в изучении повседневности стала преступность<sup>12</sup>. Традиционные социальные аномалии - пьянство,

<sup>9</sup> Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 4-18; Он же. От войны к революции: рождение «человека с ружьём» // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55-76; Он же. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Журавлёв В.В. Революция как способ реализации личного интереса (к постановке проблемы) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 18-28; Исаев И. А. Революционная психология и революционная законность (Опыт 1917) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 28-39; Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора. 1917-1922 гг. // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 201-223.

<sup>10</sup> Роголина Т.Л., Телицын В.Л. Заботы и мысли интеллигентной женщины в дни революции («Дневник матери-хозяйки») // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 85-98; Степанов А.И. «Классовый паёк» и социальная мобильность творческой интеллигенции в годы революции и гражданской войны (по материалам личных дневников) // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 116-124; Смирнова Т.М. «Бывшие». Штрихи к социальной политике советской власти // Отечественная история. 2000. №2. С. 37 - 49.

<sup>11</sup> Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев / Отв. ред. Член-корреспондент РАН В.А. Шишкин. СПб., 1999; Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. / Отв. ред. Член-корреспондент РАН В.А. Шишкин. СПб., 1999; Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-запада России в 1918-1919 гг.: политической мышление и массовый протест / Отв. ред. Член-корреспондент РАН В.А. Шишкин. СПб., 1999; Марков А.Р. Что значит быть студентом: Работы 1995-2002 годов. Предисл. А. Дмитриева. М., 2005.

<sup>12</sup> Гуров А.И. Профессиональная преступность // Наследники Ваньки-Каина: Сборник. М., 1994. С. 404-511; Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001.

проституция - также вошли в круг интересов современных исследователей повседневности<sup>13</sup>.

Большое значение имеет социально-демографическое, антропологическое направление в современной науке. Рождаемость и смертность, развитие семейных отношений, изменение отношения к смерти в массах - всё это оказалось в центре научных поисков историков-демографов<sup>14</sup>.

Ряд авторов вплотную занялись рассмотрением проблем, связанных с революционной символикой<sup>15</sup>. Возродился научный интерес к проблемам революционного языка и ранней советской топонимии<sup>16</sup>.

В отечественных региональных работах тема повседневности звучала также в середине 1990-х годов. Новые подходы и новые источники мы встречаем в статьях уфимских, тамбовских, пермских историков в сборниках института истории РАН середины 1990-х годов. Десятки городов центральной России охватил В.В. Канищев, описывая «мещанское бытие эпохи «военного коммунизма»». Автор вывел классификацию способов мимикрии: легальные, полуполигальные, нелегальные. Весьма верно он отметил, что смысл жизни с осени 1918 г. для среднегородского жителя был сведён к «бытовому приспособлению» к катастрофическим условиям жизни<sup>17</sup>.

---

<sup>13</sup> Канищев В., Протасов Л. Допём Романовские остатки: пьяные погромы в 1917 году // Родина. 1997. №8. С. 62-66; Курукин И.В. «Государево кабацкое дело»: Очерки политики и традиций в России / Игорь Курукин, Елена Никулина. М., 2005; Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. - 40 - е гг. XX в.). М., 1994; Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 124-143; Ульянова Г.Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Бордюгова Г.А. М., 1996. С. 405-427.

<sup>14</sup> Население России в XX веке. В 3-х т. Т.1.1900-1939. М., 2000; Демографическая модернизация России. 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

<sup>15</sup> Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Спб., 1994. С. 188-203; Он же. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. Спб., 2001; Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Спб., 1994. С. 356-366.

<sup>16</sup> Нерознак В.П., Горбаневский М.В. Советский «новояз» на географической карте (о штампах и стереотипах речевого мышления). М., 1991; Ирошников М., Шелаев Ю. Октябрение // Родина. 1991. № 9-10. С. 34-38; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998; Никитин С.А. Становление советской топонимии в 1918-1930 годах // Отечественные записки. 2003. №2. С. 502-514.

<sup>17</sup> Верещагин А.С., Егоров А.В. Отражение в народной поэзии реалий революции и гражданской войны (1917 - начало 20-х гг.) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 189-201; Канищев В.В. Приспособление ради выживания (мещанское бытие эпохи «военного коммунизма») // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 98-116; Обухов Л.А. Изнанка

Последнее десятилетие отмечено расцветом региональной микроистории обыденности переломной эпохи. Увидели свет первые обобщающие работы. После издания фундаментального исследования челябинского историка И.В. Нарского в разных научных центрах России стали появляться серьёзные исследования по вопросам социальной, культурной истории, истории повседневности и пограничной с ней проблематике<sup>18</sup>. Конструктивный принцип исследования и весомые, одновременно и неожиданные, выводы заставляют выделить докторскую диссертацию краснодарского автора А.Ю. Рожкова. Например, автор отмечает, что первое поколение пресловутых «homo soveticus» в Советской России рождалось в интервале с 1912 по 1920 гг., несмотря на то, что «новые» (по-большевистски) модели поведения молодые люди в России стали осваивать задолго до 1917 г. В то же время к концу 1920-х годов подрастало хотя уже и советское поколение, но оно мало чем существенно отличалось от поколения 1910-х или 1990-х гг., утверждает Рожков<sup>19</sup>.

В Ярославле специальные исследования по истории повседневности тоже появились в недавнее время. Социально-политическим настроениям масс в период гражданской войны на основе ярославских и костромских материалов посвящены статьи Е.Н. Александрычева. Комплексное исследование по провинциальной городской повседневности представлено кандидатской диссертацией О.В. Ольневой. Автор рассматривает разнообразные темы: бытовую сторону, революционную символику, влияние революционных процессов на массовое сознание горожан-провинциалов. Хронологические рамки указанной работы ограничены 1917 годом, а территориально охвачены только города Ярославской губернии<sup>20</sup>.

---

сверхценностных установок: моральный облик большевиков в годы гражданской войны // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 161-171.

<sup>18</sup> Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001; Борчина М.А. Культурное развитие в Вятской губернии в 1917-1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2005; Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (На материалах Петрограда-Ленинграда 1917-1991): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Спб., 2000; Зайцева Е.А. Ставропольская губерния в период гражданской войны: экономические, социальные и культурные аспекты: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002; Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920-1930-е гг. (на материалах Астраханской области): Дис. ...канд. ист. наук. М., 2004; Новикова Л.Г. Власть и общество на антибольшевистском Севере (1918-1920 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2004; Тарасюк А.Я. Социальная политика советского государства и жизнь женщины 1918-1929 гг. (на материалах Зауралья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004; Рожков А.Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х гг., повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): Дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2003.

<sup>19</sup> Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 436, 438-439.

<sup>20</sup> Александрычев Е.Н. Политические настроения российской провинции накануне введения НЭПа (по материалам Ярославской и Костромской губерний) // Путь в науку:

Разрешение поставленных задач неразрывно связано с опорой на широкую многоплановую **источниковую базу**. В ходе работы были использованы не только опубликованные, но и архивные материалы (один центральный архив, четыре местных архива, 24 фонда, 216 дел). Всё многообразие привлечённых источников было в соответствии с выбранной смешанной - по происхождению и по типу источника - классификацией разбито на девять информационных блоков для удобства критического анализа: 1. Документы центральных государственных органов. 2. Документы местных органов власти. 3. Документы партийных организаций. 4. Документы общественных организаций. 5. Хроники событий. 6. Статистические сборники. 7. Периодическая печать (семь наименований). 8. Документы личного происхождения (дневники, записки, заметки, мемуары, письма). 9. Кино-и фотодокументы.

«Вживание» в эпоху на основе углубленного текстологического анализа документов личного происхождения - писем, дневников, заметок - с помощью герменевтической интерпретации источников представляется одним из наиболее прогрессивных и потому необходимых приемов, применимых к данному исследованию.

В основу **методологии** исследования положен комплексный подход с элементами междисциплинарного исследования. Социальная психология, экономическая история, социальная история, новая социальная история, новая культурная история, традиционная «научная история» - все эти направления с их методикой применимы в исследовании по истории повседневности. Также незаменимы и общенаучные методы (системный, структурный, функциональный) и общесторические методы (например, сравнительно-исторический).

**Научная новизна и практическая значимость.** Исследование позволяет выйти на новый уровень осмысления событий гражданской войны в изучаемом регионе: от описания сугубо политических событий и экономических преобразований до анализа повседневного быта и восприятия происходящего рядовыми горожанами той эпохи. Результаты работы могли бы использоваться для написания монографии и формирования курса по истории повседневности в период революции и гражданской войны на примере провинциальных городов.

**Апробация исследования.** Основополагающие положения и выводы исследования были представлены в докладах на научной конференции X Золотаревские чтения (Рыбинск, 19-20 октября 2004 г.); на международной научной конференции III Алмазовские чтения «Роль

---

Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета / Под ред. д-ра ист. наук проф. А.М. Селиванова. Ярославль, 2005. Вып. 10. С. 207-212; Ольнева О.В. Повседневная жизнь провинциального города в 1917 году (по материалам Ярославской губернии): Автореф. дис ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005; Ольнева О.В. Общественные настроения российской провинции весной и летом 1917 г. // IX Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Рыбинск, 2002. С. 158-160.

творческой личности в развитии культуры провинциального города» (Ярославль, 20-21 ноября 2004.); на всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых исследователей «Границы в пространстве прошлого: социальный, культурный, идейный аспекты» (Тверь, 23-26 апреля 2006); в статьях в сборниках научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова «Путь в науку» (2002-2005 гг.); в Вестнике Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова и в других изданиях. В общей сложности автором по теме диссертации опубликовано и направлено в печать десять публикаций.

**Структура работы.** Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы, три приложения.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ**

**Во введении** обозначается актуальность и новизна исследования. Определяются цели и задачи, объект и предмет, узловая проблема исследования. Указываются методологические основы работы. Дается анализ источников и исследовательской литературы по проблемам повседневности.

**В первой главе «Материальная сфера жизни: вопросы первой необходимости»** разбираются базисные элементы повседневной жизни горожан в провинции.

**В первом параграфе «Продовольственный кризис и уровень жизни горожан»** освещаются продовольственные сложности в городах Ярославской и Костромской губерний. В годы гражданской войны они приняли здесь угрожающие масштабы. Сравнивая положение столиц с указанными провинциальными городами, мы пришли к выводу о том, что ухудшение уровня жизни в них отставало от столиц до середины 1919 г. Тогда ситуация стала выравниваться и к исходу «военного коммунизма», в начале 1921 г., приняла едва ли не худший, чем в столицах оборот.

Не было одинаковым положение и между провинциальными городами. Например, власти Костромы были более адекватны сложности ситуации, менее испорчены тяготами голода, чем в Ярославле. Во многом благодаря их действиям уровень жизни в Костроме был выше, чем в соседнем губернском центре: они раньше запустили программу продпоездов, жёстче боролись со злоупотреблениями, лучше снабжали хлебом население. Бесплатный детский общепит был введен здесь на полтора года раньше Ярославля.

В то же время многое зависело от удалённости города от голодных столиц и близости к производящему зерновому хозяйству. Так, г.

Кострома, отстоящий от Москвы далее Ярославля на 70 верст, был а priori в более удачном в отношении продовольственного обеспечения географическом расположении.

Из этого следует, что в географическом, пространственном измерении действовал закон близости-удаленности от Москвы и производящего хозяйства. В социальной же сфере измерения исторического бытия был в ходу закон близости-удалённости к власти и к классу-гегемону. Эти два закона имели диаметрально противоположные следствия. В первом случае - «чем дальше, тем лучше», во втором - «чем ближе, тем лучше».

Приближённость к власти давала огромные преимущества в качестве и объёме питания и продовольственного снабжения. Диспропорцию в уровне жизни власти и общества можно выразить следующим приблизительным соотношением: 12 (большевики и те, кто были с ними у власти) : 4 (рабочие, советские работники, дети, инвалиды, кормящие и беременные женщины) : 1 (остальное население).

К общим и повсеместным явлениям повседневной жизни времён гражданской войны следует отнести тот факт, что затраты на продовольствие стали занимать гораздо большее место в расходах и в сознании горожан, чем раньше. Исключительная ценность продуктов питания в условиях голода привела к их гротескно недоступным ценам на исходе гражданской войны. Доступными и фактически обесцененными оказались тогда только сферы социального питания (столовые), жилищно-коммунальных платежей, бытовых услуг (бани, парикмахерские) и развлечения (билеты в театр и кино). Поэтому и стали официально бесплатными столовые, ЖКХ, трамваи, бани с января 1921 г.

Питание отнимало столько материальных средств, физических сил и времени на его добычу, что поиск его стал главным смыслом жизни и единственным способом выживания в советских городах. Началась жизнь в «хвосте» от пайка до пайка, вечное существование с мешком за спиной в надежде на добычу чего-либо съестного по пути на работу и назад. Такой быт приводил к определённой переоценке ценностей, к материализации массового сознания от постоянных дум о продовольствии. К.И. Чуковский, например, не мог читать из-за голода, из-за мыслей о еде. «Мысли о еде приобретали навязчивый характер. Это было самое страшное: менялись обычные способы мыслить и воспринимать жизнь», - писал известный физик С.Э. Фриш, переживший гражданскую войну в Петрограде<sup>21</sup>. Бытие стало определять сознание горожан тогда в крайней степени, что отразилось на формировании нового общества и нового человека. Совершенный прыжок в очередное царство дефицита и необходимости стал залогом будущей привычки к нищете, очередям, недоеданию, бытовой неустроенности.

---

<sup>21</sup> Фриш С.Э. Сквозь призму времени. М., 1992. С. 61.

Второй параграф посвящён **«Жилищному вопросу и его месту в повседневности»**. Жилищный кризис явился одним из наиболее острых вопросов повседневного быта горожан той эпохи. Нельзя не отметить, что действия местного руководства по решению данной проблемы не были, а возможно, и не могли быть в объективно сложившихся чрезвычайных условиях исчерпывающими. В то же время жилищная политика на местном уровне неоправданно грешила определенной несправедливостью в отношении к рабочему классу и перекосом в сторону государственных и личных, а не социальных интересов.

Несмотря на внешние пертурбации, новую идеологию Россия, с одной стороны, продолжала движение в сторону социально-классовой нивелировки. «Деурбанизация» столиц - это временное явление эпохи «военного коммунизма». Вечная спутница социально-исторического прогресса - урбанизация, с её неотвратимым квартирным кризисом, обрушилась во время гражданской войны на всю страну, охватила в первую очередь провинциальные города. Россия продолжала развиваться в контексте общемировой модернизации. Стирались непреодолимые (сословные) грани между социальными слоями, между столицами и провинцией. «Опровинциальные жизни» - так назвал это явление в феврале 1921 г. А. А. Блок<sup>22</sup>. Обратной стороной этой нравственной, социальной и географической тенденции «опровинциальныя» столиц было «остоличивание» провинции. Столичные жители, покидая свои голодные и холодные квартиры в Москве и Петрограде, тогда исподволь приносили более высокую, в том числе и бытовую, культуру в провинцию.

С другой стороны, мы наблюдали появление коммунальных квартир на месте бывших частных семейных очагов, что стало феноменом исключительно российским. Коммуналки были ярким примером возрождения консервативного общинного уклада в городских центрах, хотя, одновременно, подавались властями, как зачатки нового коммунистического быта.

Разные социальные, интеллектуальные, нравственные категории людей оказывались в одном микробытовом, замкнутом пространстве. Это сосуществование влияло на их поведение, психику и психологию. Люди в основной своей массе со временем усреднялись, уравнивались, невольно перенимая привычки, манеры, внешний вид и способы мышления у своих соседей. Иначе было не выжить ни «бывшим», ни «лишенцам», ни простым обывателям, ни рабочим. Власти использовали такое тесное общежитие в своих целях: им было легче следить за людьми и контролировать их жизнь. Это подтвердил дальнейший ход событий в стране в 1920-1930-е годы в эпоху повального доноительства. Горожане успели отвыкнуть от общинных ценностей к началу XX века, а их

---

<sup>22</sup> Блок А. А. Избранное. М., 1995. С. 512.

насиленно и, в то же время, вынужденно из-за отсутствия нового жилья, возродили на городской почве в виде коммуналок.

Это противоречие, возможно, явилось важнейшим в общественной жизни России в XX столетии. Бурное технологическое и социально-экономическое развитие шло параллельно с застоем, консервацией и даже обращением вспять в сферах социально- и этнопсихологической.

Процесс урбанизации протекал в экстремальных условиях «военного коммунизма» и с извечным для нашей страны своеобразием. Нищета, дефицит, разруха проникли во все сферы жизни россиян и стали важнейшими факторами зарождения нового типа советского сознания.

В отличие от западного издания модернизации со стремлением к социально-правовому равенству в изобилии и материальной самостоятельности, в России новые власти «вытравивали быт и уничтожили отдельных людей», как писал поэт<sup>23</sup>. Тяжелейшие условия жизни выработали непритязательность, закалили будущие поколения в пекле нового и едва забытого старого коллективного (коммунального) быта.

**Во второй главе** рассматривался **«Досуг городских обывателей»**. **Первый параграф главы посвящён «Повседневному отдыху и развлечениям»**. Сфера досуга является одной из основ формирования полноценной человеческой жизни. Без отдыха невозможно повседневное бытие человека. В силу объективных (сам факт гражданской войны) и субъективных (советско-партийная идеология) причин отдых в гражданскую войну претерпел определённые изменения, был ограничен страшной действительностью. Досуг был сильно деформирован, но городские обыватели продолжали развлекаться, танцевать, читать книги, смотреть фильмы, ходить в театр.

Принципиальной разницы между столицами и провинцией в области досуга и отдыха не было. Различие можно найти в масштабах, но не в принципах и условиях. Без умаления значения региональной специфики, они были идентичными, как в Москве, так и в Петрограде, Ярославле, Костроме и прочих городах. Но вот отличие от дореволюционной поры оказалось весьма значительным.

Особенной популярности в интересующую нас эпоху достигли театр и кино. Власть не смогла или не до конца захотела сделать из них рупоры новой идеологии, но кино и театр были уже в руках большевиков, и они использовали их как незаменимые инструменты отвлечения масс от повседневных тягот и пропаганды социалистических идей. Это были недорогие способы забыть о ежедневных заботах и неурядицах. Одновременно, возможность почувствовать себя в «кресле» или в «роли» отверженной буржуазии и дворянства.

---

<sup>23</sup> Блок А.А. Избранное. М., 1995. С. 509-510.

Феноменом можно назвать процесс возрождения буржуазности и властной атрибутики в годы гражданской войны, что нашло своё отражение и в сфере досуга. Проявлялось это в виде применения «старого» принципа в раздаче лучших мест для ответственных работников-партийцев в театральных залах. Подтверждение тому - рядовые домашние и советские полуофициальные вечеринки, пронизанные влечением к «старому» стилю. Скорее всего, в этом проявлялось переплетение влияния старых буржуазных специалистов, носителей этой традиции, со стремлением молодых партийных работников к прикосновению к символам своей власти-победы над этим «старым». Новая символика только зарождалась и, очевидно, не имела такого глубинного влияния на сознание масс, как старые символы и атрибуты быта и власти. Возрождение атрибутов-символов власти проявлялось и в очередном появлении «своих» на передней площадке теперь уже советского трамвая, и в выдаче кареты управляющего Ярославской большой мануфактуры на свадебные гулянья рабочим фабрики.

В этом смысле прав П.Б. Струве, назвавший Советскую страну «гоголевской Россией под Красным колпаком». Так же, как прав был и В.В. Шульгин с его идеей - белая армия проиграла, но «белая идея победила». Об этом же писал Н.А. Бердяев, охарактеризовав Советскую Россию неизменно «вечно-гоголевской», в сборнике «Из глубины».

Необходимо затронуть вопрос о наличии свободного времени. Его было много. Больше, чем раньше, в связи с сокращением рабочего дня, простым предприятий и т.д. Но распоряжаться им в полной мере свободно было невозможно. Большую часть периода гражданской войны горожанам, как было показано, были не доступны обыкновенные вечерние прогулки по улицам.

Речь идёт о серьёзных ограничениях в свободе выбора досуга в условиях чрезвычайщины времён гражданской войны. Официоз прочно проник в сферу досуга. Под тотальный контроль государства попали не только вечерние прогулки, доступные избранным по предъявлению пропуска, но и домашние вечеринки. Под пристальным присмотром оказались театральные репертуар, набор книг в библиотеках, издательская деятельность (печатались только советские газеты и угодные партийно-советскому режиму книги).

В меньшей степени музыкальная жизнь и в несоизмеримо большей спорт и физическая культура оказались под прессом идеологии. Поэтому они стали менее популярны в массах. Даже бесплатные занятия музыкой и спортом не пользовались массовым спросом, поскольку участники должны были в дальнейшем отрабатывать их на митингах, демонстрациях, волей-неволей позиционируя свою лояльность режиму.

Происходила смена цен и вместе с тем, что гораздо важнее, смена ценностей. Билеты в театр и кино стоили дешевле продовольствия, книги стоили намного дешевле буханки хлеба, спортивные и музыкальные

занятия стали бесплатными. Материальное обесценивание досуга совершалось на фоне всеобщего обесценивания человеческой жизни. Явление это было общеевропейским и может рассматриваться в качестве одного из примеров перехода человечества к стадии главенства массового: производства, потребления, культуры и т.д.

В то же время прогулки стали дефицитом и гонениям подвергались банальные вечеринки. Самое простое стало самым сложным. Не сказать, чтобы всё, но многое переворачивалось с ног на голову. Именно переворачивалось. Мало появлялось реально нового, чаще происходила смена мест, ролей, названий, а не сути вещей, не зарождения истинно новых, революционно новых явлений.

Режим ограничений, диктата и дефицита вещей первой необходимости бесспорно отражался на зарождении нового советского сознания. Многие из указанных явлений были временными, вынужденными. Что-то, наоборот, осталось непоколебимым до падения советского строя, даже по сей день.

Многое «новое» оказывалось ещё не забытым старым, а в отвергнутом старом можно увидеть зачатки истинно нового. В сочетании и противоречии партийно-пролетарской идеологии, фундаментальных основ русской жизни и общемировых тенденции к зарождению общества массового потребления необходимо, на наш взгляд, видеть главную движущую силу и основной вектор исторического развития России в XX веке после 1917 г.

Заключительный раздел второй главы повествует о «Праздниках в городах Советской России» в годы гражданской войны. Праздничные и выходные дни рассматриваются как одна из форм повседневной жизни.

Наполнение новым идеологическим содержанием старых праздников («новый» Новый год и «старый» Новый год) и внесение старого, например, религиозного мотива в новые советские торжества (культ вождя, мистерии, обрядность, лексика и т.д.) характеризуют отношение власти к празднику как к способу воздействия на патриархальные в большинстве своём массы населения. В проведении массовых советских празднеств большевики усматривали, прежде всего, политическую кампанию, орудие пропаганды нового коллективного строя и мышления.

Массы были приучены веками к общинности и патернализму, к крестным ходам, монархическим процессиям и военным шествиям. Власть, будучи знатоками психологии соотечественников, использовали эти социально-психологические предпосылки в популяризации «новых» идей и в укреплении своей власти. Политизированность и навязанность сверху, добровольно-принудительный характер торжеств отличают новый подход к массовым праздникам, представлявший, в известной степени, усиленный, концентрированный старорежимный.

Безусловно, большевики использовали праздники в процессе создания новой революционно-государственной символики, равно как и применяли сложившуюся пролетарскую символику в проведении праздников. Революционная символика требовалась для идеологической борьбы с прошлым во имя рождения нового общества, как обоснования нахождения коммунистов у власти и стабильности их административно-командного режима. Театрализованные праздничные шествия - симбиоз всех типов революционной символики - внешне блистали новизной, по существу же были привычны народу.

Допущение религиозных праздников можно объяснить не только боязнью большевиков перед многомиллионной армией верующих, но и банальной необходимостью обеспечения отдыхом граждан республики. Новых общегосударственных праздничных дней было всего 6, а дополнительные 10 дней отдыха оказались, по старой традиции и по желанию самого народа, религиозными. По общему же количеству праздничных и выходных дней советская Россия не уступала дореволюционной, в отличие от будущих времен серьёзного сокращения праздничного отдыха. В этой склонности к «праздности» большевистская Россия на заре своего существования являлась прямой наследницей старого строя и намного превзошла его.

В те страшные годы, несомненно, зарождались новые традиции массового досуга. В то же время из сознания людей невозможно было стереть огромные пласты прежней культуры праздника. Новогодние и рождественские ёлки, масленичные блины, куличи на Пасху и веточки вербы на вербное воскресенье - всё это, как ни удивительно, продолжало существовать тогда.

Таким образом, большевики на первых порах допускали и старое, и революционно новое в сфере праздничного досуга. Всё новое тесно переплеталось со старым, производя смешанный калейдоскоп праздничных зарисовок из повседневной жизни советских городов в годы революции и гражданской войны.

Старое сознание в соединении с новыми внешними проявлениями режима порождало симбиоз, действовавший на долгую социально-историческую перспективу. В конечном итоге новые традиции привели к появлению «советского человека» и «нового общества» не ранее рубежа 1920-1930 гг. Именно эти, воспитанные на советской пропаганде, молодые люди начали индустриализацию, коллективизацию, поддерживали сталинские репрессии.

**Третья глава исследования «Преступность и аномалии повседневности»** посвящена «теневой» стороне повседневной жизни провинциальных городов. В **первом параграфе разбирается вопрос о «Преступности и её влиянии на повседневную жизнь горожан».** Приход большевиков к власти привел к исчезновению прежнего правового пространства, правоохранительной системы. Прагматичный и

идеологизированный подход к праву, которым отличились большевики, не привёл их к идее и практике планомерной борьбы по искоренению преступности.

Двойственное отношение новой власти к преступному миру в первую очередь определялось идеологией. Уголовный каторжник царских времен с пролетарскими корнями мог быть признан социально более близким режиму, нежели мелкий городской буржуа. Регулярные амнистии, смягчение наказания преступникам, пострадавшим ещё от прежней власти говорят о полуснисходительном отношении к нарушителям закона. Этим большевики отнюдь не способствовали снятию криминальной напряженности в стране.

Новый взгляд на преступления, новая классификация и интерпретация преступных действий стали проводиться в жизнь. Например, преступления против церкви перестали считаться нарушением закона и не наказывались, зато частная торговля по вольным ценам или слово против режима могли стоить человеку жизни, чего раньше не было. Траговка преступного поведения властью была подчас трудно объяснимой. Причина того кроется и в отсутствии нового свода уголовных законов. Старые же нормы права применялись сотрудниками органов с опаской быть заподозренным в «буржуазности».

Нельзя обойти вниманием проблему влияния войны на рост преступности. С фронта в городскую социальную среду хлынула военная психология, масса оружия и сам «человек с ружьём» вернулся в повседневную жизнь. Стал главенствовать культ силы и насилия в обществе. Настало время простых мер и быстрых решений. Появился новый социальный тип «человек солдатообразный». Жулики и партийные активисты, обыватели и солдаты пытались носить одинаковую военную форму не только для обеспечения себе бесплатного проезда на трамваях.

Стирались внешние проявления социальных границ (одежда), и исчезала внутренняя индивидуальность отдельно взятых личностей в обществе. Стало сложно отделить преступника от стража порядка, промышленника от педагога и т.д. По внешнему виду, по манере поведения, по способу мыслить.

Тяжелое материальное положение и низкие нравственные качества стражей порядка и членов правящей партии на местах давали дополнительный импульс росту преступности в рядах самих властных структур. Власти всех уровней и рангов нарушали закон. Возможно, многие из них искренне верили в то, что низложение буржуазных законов давало им право на любые действия под вывеской «блага народа» и «дел революции».

Важно отметить рост преступности не в количественных показателях и в географии распространения, а в вертикальном социальном срезе: преступная деятельность проникла во все слои социума.

Преступность изменяла повседневную жизнь. Из-за банды пресловутых «попрыгунчиков» осенью 1917 г. в Петрограде боялись выйти на улицу в вечернее и ночное время. Зимой-весной 1918 г. во всех городах боялись пьяных красногвардейцев и солдат. В ответ на постоянные угрозы жизни обыватели стали перенимать модели поведения у преступников и военизированных полукриминальных властей. Преступность сверху оправдывала и вызывала к жизни преступность снизу. Насилие - в виде самосудов - проникло в глубины массового сознания, стало заурядным бытовым явлением жизни российских городов. Кроме того, обострение правового нигилизма отразилось во всеобщем несунстве и воровстве.

Необходимо обратить внимание на нейтрализующее воздействие на массы городских жителей «синдрома 1918 г.», благодаря возобладанию которого прекратились самосуды, большинство стало пассивно свыкаться с новыми условиями жизни, и большевики смогли удержаться у власти.

Это была «Пиррова победа» тяжёлого быта, материальных ценностей, коммунистической идеологии и преступной психологии над полнотой жизни, сознанием, христианскими ценностями и законопослушностью. Насилие, жестокость эпохи гражданской войны в перспективе способствовали возникновению, не ранее периода культурной революции, «нового» советского человека с новыми представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Второй параграф затрагивает «Аномалии городской жизни в годы гражданской войны». Изучение аномалий городской жизни позволило выявить пик переломной эпохи для обывателя в ходе большевистской революции и гражданской войны 1917-1921 гг. Это был 1918 год, отмеченный голодом, началом эпидемий, первыми массовыми репрессиями, разгулом пьяных погромов, преступности и самосудов, отделением церкви от государства, разгарением гражданской войны и т.д. Жизнь в страхе и лишениях после революционной весны 1917 г. давалась обывателю очень нелегко. Если в 1917 г. «маленькому человеку» было возможно почти всё, то с приходом к власти партии В.И. Ульянова-Ленина были введены значительные ограничения во многих сферах жизни. Жёсткое военное положение, запрет митингов, репрессии, борьба с употреблением алкоголя, карточными играми - всё это было далеко от радужного начала 1917 г. Режим диктатуры был прямой противоположностью февральскому половодью митингов, свободной борбе мнений и жизни, как тогда казалось, без оков.

Явственно отразился этот социально-психологический надлом, случившийся на фоне резкого контраста между 1917 г. и 1918 г., в повышении числа самоубийств. Их всплеском был окрашен именно 1918 г. В условиях тяжести быта и морально-нравственной неготовности к таковой жизни определённая часть горожан не нашла в себе сил жить в борьбе за существование дальше. Большинство же сумело преодолеть

рубеж, своего рода «синдром 1918 года», и продолжало выживать в последующем.

В дальнейшем, несмотря на внешнее ухудшение жизни (рост смертности, эпидемий, усиление голода, холод в домах, отсутствие света, антисанитария в городах, полный развал жилищно-коммунального хозяйства, острейший дефицит предметов первой необходимости и т.д.), жить стало, как ни парадоксально, легче. Легче, с точки зрения, сознания «маленького человека». Горожане просто-напросто привыкли и приняли такой «немыслимый быт». Привыкание к нечеловеческому бытию отразилось в увеличении числа браков и деторождений в 1919-1921 гг., по сравнению с революционными предыдущими и предреволюционными годами.

Нельзя забывать об эффекте преодоления морально-психологического «синдрома 1918 г.». Свыкание с жизнью в условиях «военного коммунизма» сыграло свою роль в повышении сексуальной активности горожан. То же самое относится и к феномену увеличения деторождений в 1919-1921 гг., и к проституции, которая также не умерла, ни в столицах, ни в провинции, и к сексуальным преступлениям, продолжавшим совершаться даже в тех далеко не подходящих условиях.

Катастрофическое состояние медицины и невозможность достать элементарных лекарств, ужасающие по своим масштабам эпидемии в сочетании с сильным недоеданием, отсутствием отопления в домах приводили к крайне высокой смертности. Никогда до этого Россия не испытывала таких колоссальных человеческих потерь, как в 1914-1921 гг.

В этой связи стало зарождаться и новое отношение к таким вечным понятиям, как жизнь и смерть. Обыденное восприятие и циничное, неуважительное отношение характеризуют перемену во взглядах обывателя на скончавшегося человека. Похороны без гробов, создание крематориев - прямое тому подтверждение. Это отражало позицию советской власти, да и самого народа к своему прошлому, было началом исторического забвения, охватившего Россию в XX столетии.

Кардинального отличия между жизнью в провинциальных городах и столицах в затронутых сюжетах не наблюдалось. Минимальная разница видна была лишь в отношении употребления наркотических средств. В столицах явление было массовым, в провинции - менее заметным.

Важнейшим вопросом представляется всё-таки не дихотомия центр - провинция, а маятник старого и нового в жизненных реалиях и в сознании человека того времени. В целом же в противостоянии старого и нового власти шли вопреки собственной жестокости на значительные, но едва заметные сегодня уступки. Многие традиции и привычки брали верх и не были задавлены властью в силу понимания невозможности обхождения народа без оных. Поэтому и пьянство, несмотря на сухой закон, продолжало оставаться нормой, даже усилилось, и наркотики, и азартные игры всё более служили массам. Таким образом, жизнь при

новом строе протекала в основных чертах по-старому, с характерными внешними перегибами военного времени и новой идеологии.

Исключительно новые веяния коснулись, пожалуй, лишь таких противоположных сторон жизни, как семейно-брачные связи и восприятие смерти. Здесь всё стало проще, циничнее и расчётливее - и свадьбы и погребение усопших. Возможно, это свидетельство всеобщего, в мировых масштабах, ускорения темпа жизни и упрощения её форм и проявлений. В таком случае это подтверждает пусть и противоречивое, но всё-таки следование России, несмотря на смену власти, в рамках модернизационной модели развития с сохранением базисных национальных черт.

**В заключении** были аккумулированы результаты проведенной научно-исследовательской работы. В данной работе была проведена попытка проследить, каким образом бытовое неустройство разных уровней влияло на городских жителей провинциальных городов. Важным было выявление взаимосвязи бытовой стороны повседневных жизненных практик горожан-провинциалов с их ментальностью, психологическими стереотипами поведения в процессе трансформации последних и зарождения так называемого «нового советского» сознания.

Одновременно с общей тенденцией усреднения жизни в массах (нивелировки в одежде среди обывателей, между столицами и провинцией, в жилищных условиях) наблюдалась и противоположная ей динамика. Стали возрождаться символы власти в быту - явный признак неоднородности в социуме. С наступлением хаоса смуты на бытовом уровне возрождались в новом (красном) облики старые привычки к серому, подконтрольному существованию.

Двоемирие, двоемыслие и двоеверие следствие исторически сложившейся биполярности жизни в России, двойственности сознания субъектов исторического процесса. Дихотомии Лес-степь, Запад-Восток, христианство-язычество долгие столетия составляли метаисторическую суть бытия России. В XX веке этот дуализм предстал в таком виде: большевизм-православие, диктатура-демократия, Запад-Восток. Эта амбивалентность исторически характерна для России.

Серые и бесцветные массы, уцелевшие в ходе гражданской войны, стали определять в дальнейшем облик так называемого «советского человека». По сути своей прежнего подданного, лишь более испуганного и подавленного пережитым страхом и потрясениями, более зависимого - в условиях возрастающих потребностей и постоянного дефицита - от бытового, материального, повседневного, чем ранее.

Стержневым являлось противостояние в повседневной жизни и в повседневном массовом сознании горожан старого и нового начал. Революционная символика требовалась для идеологической борьбы с прошлым во имя рождения нового общества. Живучие старые привычки, природный консерватизм, инертность традиций горожан вступали в острое противоречие с насаждавшимися новшествами советского строя.

Насколько острым и каким был этот процесс по своей сути и последствиям - вопрос весьма сложный. Было и переплетение, и сочетание, и взаимодополнение, и противоборство, и подмена, и вытеснение, и взаимовлияние.

Двойственность процесса отразилась и на его последствиях: в массовом сознании и во многих примерах амбивалентности жизни в «новом измерении». Чем-то отмеченная ситуация напоминает проблему раннехристианского двоеверия на Руси.

Попытка «сверху» преобразить пространство и время, где обитал горожанин в эпоху гражданской войны, натолкнулась на традиции и привычки. Старый фундамент оказался основой нового здания. Здесь вновь победила двухосновность.

Внешние деформации не привели к полному, коренному и сиюминутному перелому в сознании и в быту горожан. Посредством реформ прививались новые идеалы, под эгидой которых держались у власти большевики. Исход гражданского противостояния говорит нам о том, что строительство «красных» мифологических конструкций оказалось, как ни парадоксально, ближе российскому патриархальному сознанию, чем идеи движения белых.

В рассматриваемую эпоху в провинциальных городах Советской России налицо была старая повседневная жизнь в новом революционном измерении. Старая жизнь людей из дореволюционного прошлого в военно-коммунистическом настоящем. В дальнейшем, с вступлением в социальную жизнь первых революционных и постреволюционных поколений, возможно, внешнее было обращено вовнутрь и произошли качественные изменения в массовом сознании и психологии, приведшие к появлению «*homo soveticus*». В основной своей массе «советский человек», как социальное явление и феномен этносоциальной антропологии, на наш взгляд, появился не ранее рубежа 1920-1930-х годов.

Таким образом, в результате победы большевиков был определён дальнейший дуалистический путь развития России в XX в.: внешняя механистическая модернизация проходила одновременно с внутренней консервацией традиционных ценностей российской цивилизации - общинности (пример - спрессованность коллективного быта в коммунальных квартирах), иждивенчества, вождизма-монархизма, религиозности-идеологизации.

Многое «новое» оказывалось ещё не забытым старым, а в отвергнутом старом можно увидеть зачатки истинно нового. В сочетании и противоречии партийно-пролетарской идеологии, фундаментальных основ русской жизни и общемировых тенденции к зарождению общества массового потребления необходимо, на наш взгляд, видеть главную движущую силу и основной вектор исторического развития России в XX веке после 1917 г.

**Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:**

Статьи в ведущих научных журналах, включенных в перечень ВАКа:

1. Курцев Л.Н. Организация питания городского населения в годы гражданской войны (по материалам Ярославской и Костромской губерний) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2005. №10. С. 90-95.

Научные статьи:

2. Курцев Л.Н. Начало формирования советской бюрократии (октябрь 1917 - 1918 гг.) // Путь в науку: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета / Под ред. д-ра ист. наук А.М. Селиванова. Яросл. Гос. ун-т. Ярославль, 2002. Вып. 7. С. 153-156.
3. Курцев Л.Н. Начало «жилищной революции» в Ярославле (октябрь 1917 - лето 1918 гг.) // Путь в науку: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета / Под ред. д-ра ист. наук проф. А.М. Селиванова. Яросл. Гос. ун-т. Ярославль, 2004. Вып. 9. С. 153-155.
4. Курцев Л.Н. Жилищный кризис в Ярославле в период гражданской войны (лето 1918 - лето 1921 гг.) // X Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 19-20 октября 2004 г. / Под ред. А.М. Селиванова. Рыбинск: «Михайлов посад», Рыбинский музей-заповедник, 2004. С. 219-225.
5. Курцев Л.Н. Жилищный вопрос в столичных и провинциальных городах в годы гражданской войны // Путь в науку: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета / Под ред. д-ра ист. наук проф. А.М. Селиванова. Яросл. Гос. ун-т. Ярославль, 2005. Вып. 10. С. 120-126.
6. Курцев Л.Н. Праздники в Советской России в годы гражданской войны // Третьи Алмазовские чтения. Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города. Материалы международной научной конференции, 18-22 ноября 2004. Ярославль, 2005. С. 209-216.
7. Курцев Л.Н. Повседневная жизнь в новом измерении: социально-психологические аспекты восприятия времени в годы гражданской войны в городах Советской России // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты. Сборник статей участников Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых

исследователей. Тверь, 23-26 апреля 2006 г. Тверь: Тверской  
государственный университет, 2006. С. 145-154.